

В раздумьях

Вячеслав Тихонов

18+

Вячеслав Тихонов

В раздумьях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69977425

SelfPub; 2023

Аннотация

Короткий рассказ о глубоких переживаниях, о поиске ответов на давно заданные вопросы. Ты не знаешь, чего ты хочешь и куда стремишься. Куда заведёт героя поиск ответов?

Вячеслав Тихонов

В раздумьях

Как долго я сижу здесь? Не помню. Сколько дней это продолжается? Сложно сказать. Дни утекают. За ними месяцы, годы. Хочется схватить время, но от этого бежать оно начинает только быстрее.

Часы давно пробили полночь. А я всё сижу в темноте. Размышляю. Изредка бросаю взгляд на окно. Пустые улочки в свете мерцающих фонарей умиротворяют. Утром на них начинают выползать люди.

Есть у меня странное хобби. Я люблю наблюдать. Я внимательно слежу, что они там делают, о чём говорят, как реагируют. Интересного мало. Людей много, ведут они себя одинаково. Обсуждают мелочные вещи, но выглядят они счастливыми. Через какое-то время у меня появляется какое-то обидное чувство отрешенности, и я уйду.

Я боюсь ночи, но боюсь её по-особенному. Я боюсь утра, которое обязательно наступит после. С ним возвращаются все дела и обязанности. Такими ничтожными кажутся проблемы, что беспокоили тебя в детстве. Сейчас всё иначе. Столько решений нужно принимать. Решений, которые меня не волнуют. Столько брать на себя того, чего брать не хочешь, но брать нужно. Это всё неинтересно. Ну, как минимум, мне.

Вокруг меня бегают тени. Я пытаюсь себя убедить, я здесь один. Это не так. Они безобидны. Они ползают по стенам. Иногда падают на меня цепями и тут же снова улепётывают по углам. Бросают свои взгляды и вечно шепчутся. Я стараюсь их не слушать, ведь только начинаешь различать слова, и каждый раз бросает в дрожь. Это не могут быть мои слова. От таких мыслей они вечно начинают посмеиваться.

Я упал на кровать. Снаружи, за стенами, целый мир. Он переполнен всем, что только можно представить. А заняться там нечем.

Меня это разнообразие не впечатляет. Даже пугает. Люди копошатся на улицах, в офисах, у себя дома. Я задаюсь вопросом, зачем они это делают? Чего хотят добиться? Вряд ли кто-то из них смог бы дать мне ответ. Но я хочу этот ответ. Мне нужен ответ.

Сколько громких слов было сказано. Я ставил себе высокие цели. Даже благородные. В обществе такое любят. Только вот всё это не нужно. Совсем. А что тогда? И мы снова ходим по кругу. Из крайности в крайность. От любви к ненависти. Потом обратно. Это всё так давит. Давит изнутри. Нужно держать себя в руках. Потеряться легко, а найти себя после это та ещё задача.

Не могу заснуть. Решил умыться. Проходя зеркало у кровати, увидел своё отражение. В темноте оно такое непонятное, даже очертания растекаются. Жутко. Тени ползут за мной по коридору, я слышу, как они что-то обсуждают. Пря-

мо у двери между моих ног проносится нечто. Котёнок. Ему тоже, видно, не спится. На руки он не даётся. Он проявляет свою любовь по-другому.

Щёлкнул рубильник, и свет меня ослепил. Хотя бы тени разбежались, а то я совсем с ума сойду от вечного галдежа в своей голове.

Шипение воды гипнотизирует. Холодная вода на руках, но холод растекается по телу. Мурашки пробежали по телу. Показалось, кто-то смотрит на меня из тьмы коридора. Бросил взгляд. Никого.

Прямо над раковиной у меня ещё одно зеркало. Я посмотрел на себя. Но кто это? Я клянусь, я помню себя другим! Ещё совсем недавно. Вроде те же глаза, рот и уши. Но всё-таки это что-то не то. Мне не нравится то, что я вижу. Свет от ламп расплзается прямо в глазу. Танцует. Я вглядываюсь в своё отражение очень внимательно. Я жду от него ответа на мои вопросы. Я надеюсь, что где-то в глубине там есть ответ для меня. Но его губы неподвижны, как и мои.

Мои ноги подкосились. Не знаю, что со мной. Я упал. По какой-то причине сразу представил, как бы комично выглядело моё падение со стороны. Как бы надо мной посмеялись. То телу пробежал разряд тока, и я со всей силы ударил по ванной. Очень больно. Кажется, я услышал хруст кости. А на ванной ни вмятины, ни царапинки. Это оскорбило моё самомнение.

Перевернулся и сжался. Всё ещё слышу шипение воды.

Я скрестил руки. Я молюсь? Признался себе в этом. Просто дайте мне ответ, и я готов принять любую ложь, готов пойти на преступление, названное благом. Тени снова рядом со мной. На этот раз они молчат. Их объятия, я чувствую их. Они слушают вместе со мной.

Что такое? Я вижу себя со стороны, вижу из чьих-то чужих глаз. Как это выглядит со стороны? Отчаявшийся человек готов порвать с тем, кто он есть, кем себя считал, лишь бы кто-то за него решил его проблемы. Отвратительное зрелище.

Я вижу собственные слёзы. Вместе с ними вырывается и злоба. Беспорядочно начинаю колотить кулаками об пол. На нём не остаётся следов. Всё тело горит, слышу каждый удар сердца. Колочу всё сильнее. Появляются трещины, остаются кровавые следы, а я всё продолжаю бить. Вижу лица людей, которых виню в своих неудачах, в том, что они не смогли дать мне ответа. Реву, как зверь, подышающий от того, что гниёт изнутри. Тени испуганно бегают по стенам, взвились к потолку.

Обессиленный, пытаюсь облокотиться о ванну. Получилось. Выдыхаю. Я снова могу видеть реальность. Не сказать, что я скучал. Это бессильная злоба, она бесполезна. Это я понимаю. Но она вырывается сама, когда ты не можешь найти ответы на свои вопросы. Она защищает тебя.

Общество тебя не поймёт, если ты решишь показать эту злость. Они гонят тебя в клетку. Не хотят заразиться чужи-

ми проблемами. А если они также ищут ответы? Этого я не узнаю. Они все молчат. А внутри полно злобы и боли. Мы продолжаем играть свои роли. Кто-то за нас утвердил этот сценарий.

Смотрю на свои руки. Они дрожат. Кусочки плоти свисают с костяшек. Но боли нет. Даже наоборот. Тело дымится, мышцы в движении. Тени затухли. Я смог заглушить собственные мысли. Сбежал от них, хоть и на время.

Хватит с меня философии и размышлений, я не могу себе позволить тратить на это так много времени. Сейчас, когда ко мне вернулся рассудок, я вспомнил, сколько надо мной висит дел. И пусть мне всё это безразлично, для других людей это может быть очень важно. Слишком много «Я» в моих мыслях. Задумаешься только, и смешно становится. Нужно чаще думать о других. Это ведь правильно, да?

Пытаюсь встать. Не выходит. Я снова падаю. Шум воды режет мозг. Надо уползти от него подальше. Но тело меня не слушается. Хочу переставить руку, а дёргается нога. Хочу сделать усилие ногами, открывается рот. Чувствую каждый удар сердца, как до этого, но сейчас каждый удар разносится болью. Внутри всё скручивает, будто выжимают полотенце. Судороги от пят до головы.

Кое-как перевернулся на спину. Смог глубоко вдохнуть. Свет из ванной перемешался с тьмой в коридоре. А я где-то посередине. Не хочу никуда идти и ничего решать. Пусть ответы ищет кто-то другой. А я останусь здесь. С места не

сдвинусь.

Мысли чахнут. Хочу раствориться вместе с ними. Будто моя жизнь – чей-то сон и вот-вот прозвенит будильник. Но делать что-то, что бы просто делать дальше, делать без идеи, без смысла больше не буду. Ищите другого дурака!

Что-то приближается. Котёнок? Нет, он давно уже спит там, где должен спать я. Свято место пусто не бывает. Благо, животных не мучают мелкие проблемы людей. Я бы не вынес, переживай мой питомец то же, что я сейчас, честное слово.

Ко мне снова выползли тени. Не спеша, даже вальяжно. Они нависли надо мной. Снова молчат и лишь переливаются одна сквозь другую. У них нет формы, понятной глазу, но они по-своему красивы. Они все часть одного и в то же время все они так уникальны. Прямо как люди. Связаны намертво друг с другом и одновременно так одиноки.

Они протягивают мне маску. Её улыбка до самых ушей. Они хотят помочь мне, толкают мне её прямо в руки. На людях я всегда в ней. Никогда не снимаю. В ней они рады мне. В ней не нужно сложных вопросов, в ней я просто весёлый дурак. И ничего не нужно воспринимать всерьёз. Мир тебе больше не враг.

Люди знают о тебе лишь по этому твоему образу, знают лишь то, что ты сам решишь показать. Они любят тебя таким. А без неё ты быстро всем наскучишь, настоящий ты мало кому интересен. К сожалению. Или к счастью.

Но я знаю себя настоящего, и я смотрю вокруг. С трудом могу удержать слезу, каждый раз, когда вижу это. Все они точно в таких же масках. Рожи на них разные, суть одна. Настоящих их я не знаю. А если узнаю, захочу ли я сам с ними говорить? Я не хочу слышать ответ.

На самом деле, я завидую дуракам. Их мир прост с самого начала. Они ничего не скрывают, они по-настоящему свободны, хоть этого и не осознают. И кто знает, может если носить маску и не снимать её никогда, то когда-нибудь ты станешь тем, кем притворяешься? Да, ты никогда больше не найдешь ответов, но так ли они тебе нужны? Этот поиск приносит только страдания. Ты, наконец, будешь спокоен. Можно, наконец, стать открытым, ведь и хранить на сердце больше нечего. И ведь многие вкладывают в образ своих масок больше, чем есть они сами. С ней ты можешь быть кем угодно. Врать себе так долго, пока ложь не станет правдой. Пока ты не забудешь, кем ты был до этого.

Я поднёс маску к лицу. Заглянул в её пустые глаза. Она тяготеет надо мной. Она рвётся ко мне. Она скучает.

Я долго смотрел на неё, а потом запустил пальцы в её глазницы и потянул. Она начала сопротивляться. Я чувствую это, что-то схватило мои руки, но я лишь давя всё сильней. Мои пальцы пробивают плоть, наматывают сосуды. Делаю усилие. Ещё одно. Я разорвал её пополам. Руки приковало к полу. Я так устал от этого. Её части растекаются в руках. Я знаю, с ней не покончено. Слишком уж она притягательна, в

ней всегда можно спрятаться. Мои собственные страхи сами натянут её на меня. Тени недовольно кружат в своих хоровах. Не могу оторвать от них глаз. Интересно.

Я слышу, как меня зовут. Открываю глаза. Передо мной какие-то роскошные залы. Мраморный пол, огромные люстры. Архитектура вокруг словно смешивала в себе стили самых разных стран и эпох. Получалось очень даже красиво. И музыка откуда-то издалека. Кажется, это что-то из Моцарта.

Где это я? Обратил внимание на мужчину, что звал меня так взволновано. Оказывается, он меня уже повсюду искал. Одет он так, будто только с приёма самого императора Петра и сразу на поиски меня! Голос его так напоминает один из голосов теней. Но он так добродушен и настойчив. Он зовёт за собой. И вот мы вместе во весь упор несёмся по позолоченным коридорам.

Мне стало интересно, куда же мы так торопимся. Он объяснил, сразу после Моцарта выступает Никколо Паганини и мы просто не имеем морального права опоздать на его выступление.

Я без понятия, кто такой Паганини, но более чем уверен, что этот парень уже давно помер. Однако, мой спутник очень удивился моей уверенности в выдумках. В искусстве ведь как – если тебя слышали или прочли хоть раз, то ты уже бессмертен. Я не мог не согласиться.

У входа в главный зал нас ждала дама, также при полном параде. Это точно мода, которая была ещё задолго до Напо-

леона.

Радостная, она бросилась к нам, но я не расслышал её слов. У неё было такое глубокое декольте, глаза сами прилипли, и отлипнуть не желали. Когда она заметила это, то запищала как мышь и прикрыла грудь веером.

Я сразу поспешил извиниться. Решил бросить смелое заявление, что мимо такой прекрасной дамы просто нельзя спокойно пройти и не оценить такой красоты. Получилось довольно глупо и нелепо. Джентльмен из меня так себе. Но это сработало. Дама рассмеялась и разговор пошёл. Оказалось, мы пришли сюда все вместе, и она ждала, пока парень во фраке отыщет меня. А вот он стоял крайне недовольный. Оказалось, за такой же, случайно брошенный взгляд, ему досталась увесистая пощечина. Теперь стало весело уже мне. Думаю, меня просто повезло.

Мы зашли внутрь огромного зала. Такое роскошное убранство. Но главное, сделано со вкусом. Ты чувствуешь мощь архитектуры, нежность красок художника. А дополняет всю эту композицию музыка, что бежит по залу. От напряженных моментов к затуханию. От радости до горя. Не веришь, что люди вообще способны творить такое. Только не настоящие люди.

Мы уселись на свои места и пока все, в том числе мои новые друзья, восхищались Моцартом, я решил разобраться, что же вообще происходит. Лица моих спутников хоть и выглядят по-человечески, но похожи они больше на живые

манекены. Не знаю, как объяснить, но у них как будто нет никакой предыстории. У них не было детства и юности, они появились только сейчас. Так же и остальные в зале. Просто массовка, в них нет реальных эмоций. Не верю в их фальшивые улыбки. Слишком уж добренькие они, так не бывает.

Пока я следил за залом, музыка стихла. Сначала я испугался, но затем понял, Моцарт своё выступление кончил. На сцену выходит молодой скрипач. Не торопясь, он проводит взглядом по залу. На мгновение наши взгляды пересеклись. Он улыбнулся мне? Нет, показалось.

Он начал, смычок забегал по скрипке. Меня приковало к нему. Как человек может творить что-то такое. Музыка скачет и тут же бежит. Сделала паузу, стукнула носочком об землю и снова в пляс.

– Это же Ла Кампанелла! – восторженно ахнула дама.

В какой-то момент я забыл обо всём. Нет у меня больше проблем. Они где-то там далеко. Я могу свободно дышать. Я хочу танцевать. Бью пальцами в такт.

А музыка продолжает греметь. Ты плаваешь в ней, утопаешь и тонешь. Лицо Паганини отличается от всех остальных. В нём нет человеческой фальши. Он чётко видит свой путь. Он владеет толпой этих кукол.

Кто-то сказал, что Паганини продал дьяволу душу в обмен на талант. Слухи завистников. Я вижу сейчас, я слышу сейчас. Это его ответ. Он творец. Настоящее искусство это жизнь. Уметь жить. И он смог им овладеть. Насколько гро-

мадных высот можно достичь, имея ответ! Эти куклы никогда не поверят тебе, гораздо проще поверить в собственные сплетни. Внутри их нет ничего, что бы творить. Они не бездарности, они пустышки!

Утонув в мыслях, я не заметил, как музыка стихла. Оборвалось на полуслове. Так показалось. Гениальный скрипач скрылся. Ему так неуютно среди толпы манекенов?

Зал начал медленно пустеть, расходиться. Музыка вновь поднялась. Медленно, неспешно лилась сквозь стены. На этот раз это Реквием?

Все шагают в ногу. И вроде, я вижу эмоции. Они смеются, обсуждают концерт, но нет в их словах наполнения. Эта музыка не смогла коснуться их душ. Хотя, какая душа у кукол, не имеющих ни прошлого, ни будущего? Конец их будет печален. Благо, своей участи они никогда не познают.

Мы тоже направились к выходу. Странное у меня чувство. Мои спутники. Они кажутся другими, чем-то куда большим. Они действительно особенные, или эти мысли лишь оттого, что именно они со мной подружились? Не понимаю.

Этот парень во фраке так добродушен. Я смотрю на него, и кого-то он всё-таки мне напоминает. Кого-то давно забытого. Он много всего мне рассказывает, задаёт столько вопросов. Я стараюсь подыгрывать ему. В этом мире у нас троих какая-то своя история. Её я не помню, но потихоньку ощущения возвращаются. Кажется, мы занимались совсем простыми, беззаботными вещами. Вещами, далёкими от здеш-

них величественных залов. Но мы были счастливы. Почему? – И почему мы так редко видимся? – вопрос дамы, что неожиданно решила подать голос, выбил меня из ритма этого места.

Все втроём мы замолкли. Во всём дворце больше никого не осталось. Только мы у самого выхода. И Реквием становится всё тяжелей.

Я смотрю ей в глаза и не могу подобрать слов. Прямо сейчас на нас устремлены тысячи невидимых взглядов. Мой друг обернулся, его взгляд облетел потолок. Он тоже их видит. Они плачут. У них нет ответа.

– Может быть... – я всё же начал. Начал осторожно. – Может быть всё оттого, что мы слишком много уделяем времени вещам, того не заслуживающих? Мы замкнулись в себе. Наши проблемы нас дожирают. И ты пытаешься закрыться от всех. Думаешь, что это поможет, а вместо этого...

Я не смог закончить. Я говорил это им?

Мне стало так плохо. Голова пошла кругом. И рушится замок. В нём больше не спрятаться. И Реквием смолк.

Я оглянулся. Ничего, что видел я раньше, не осталось. Я посреди пустыни. Девушка пропала. Я так и не смог вспомнить, кто она. Кажется, она была очень важна для меня. Она значила по-настоящему много. Или я просто придумал это. Её лицо я заучил наизусть. Но это в прошлом. Теперь она безмолвствует. Теперь её больше нет в моей жизни.

И парень, он тоже пропал. Или нет? Я вижу вдалеке силу-

эт. Бегу к нему, сломя голову. Кричу, что есть мочи, а голос растворяется. Его вдыхает кто-то незримый.

Удалось-таки нагнать его. Силуэт стоит посреди песочных фигур. Это место похоже на место для погребений. Я оглядел фигуры и замер. Я знаю всех их. С каждым из них меня соединяли связи. С некоторыми связывают до сих пор. Так ненавязчиво они возникали и так же неожиданно они обрываются. Никаких сожалений.

Подул лёгкий ветер. Чьё-то ледяное дыхание. Фигуры одна за другой стали сыпаться, ветер уносил их. Те, кем я дорожил всю свою жизнь, исчезали один за другим. Исчезали прямо у меня на глазах. Я хотел что-то сделать, но не знал что.

Они исчезли. Силуэт же оставался неподвижен. Он был в раздумьях. Я снова окликнул его. Увидел его озлобленный змеиный оскал. Это не человек. Не похож.

Стоило моргнуть, и он пропал. Растворился во тьме, что ужом обвила всё пространство вокруг. Холодное дыхание вокруг обжигает кожу. Я поднял глаза к небесному куполу. Звезды – целые отдельные миры, что освещали пустыню, погасли.

Столько дорог сейчас передо мной, но куда они ведут? Как выбрать правильную?

Я снова увидел силуэт. Он далеко впереди, но я еще могу догнать его. Бегу за ним во весь опор, но он всё дальше. опускается ночь, и я понимаю – она последняя. Я кричу,

мой зов рвёт мои связки. Чувствую, как отчаяние поглощает меня.

Звук. Звук того, кто прорывается из песков. Он повсюду.

Увидел их. Их силуэты. Они лишь отдаленно напоминали людей. Тела иссохли. Глаза впали. Губы сгнили, обнажая зубастые дёсны. Они почти сливались с полотном мрака во круг, но я видел их так отчётливо.

Голодное стадо бросилось на меня. Они не слышали мои мольбы, они лишь хотели растерзать меня за то, что я потревожил их покой.

Силуэт вдалеке вот-вот погаснет, стоит только слабому ветру подуть и этот огонёк погаснет. Последний огонёк надежды.

Этот мир несправедлив. Я не хочу умирать здесь, не получив ответов. Без них моя жизнь просто бессмысленная вспышка. Я не позволю им!

Внутри всё начало жечь. Эта боль прошла по всему телу и я почувствовал это. Ненависть. Я сбросил их с себя. *Они ничто против моей ненависти!*

Я хочу признания? Я заставлю их признать меня! Я хочу быть любимым? Они подчинятся!

Легким движением я вырвал челюсть твари, она забилась в конвульсиях, захлебываясь собственной кровью. Другая попробовала наброситься сзади, но я опрокинул её на землю и растоптал её черепушку. Я убивал их одну за другой, шаг за шагом пробиваясь вперёд, по следам того путника.

В какой-то момент я снова почувствовал. Их страх. *И свою силу.*

Голоса вновь были рядом, они оплетали меня. Они стали моими глазами, теперь я видел всё. Они проникают под кожу, но сейчас я не боюсь их, больше у меня никого не осталось.

Тварей всё больше. Сердце бьётся, как мотор, перед глазами лишь мрак и бесконечные крики. *Я обязательно найду ответы!* Я впиваюсь им в глотки зубами, запускаю когти в их глазницы, срываю с них кожу.

В голове не осталось мыслей. Только голоса. Их вопли режут ножом изнутри. *Они хотят защитить меня!* И сочится сладкий сок. Он здесь повсюду. Моя кожа лопается. Теряю свою человечность.

Я проснулся в поту. Мне снился кошмар? Зашёл на кухню. Свет солнца тусклый, но жжёт лицо кислотой. Время капает, давит. Утро стремительно наступает, нужно торопиться.

Не могу есть. Тошнит. Выпил воды и сбежал.

Пока приводил себя в порядок и одевался, бросил беглый взгляд на зеркало. Всё тот же незнакомец в отражении. Это расстраивает. Когда я увижу себя? Или хотя бы вспомню, как я выглядел.

Каждое моё движение в доме сопровождали крики матери. Это она меня разбудила посреди коридора.

Заставила меня нарядиться, будто я интеллигент. Я так их ненавижу. Их образ красив. Они ходят на пьесы Чехова,

читают Маркеса и Фромма, а на деле просто бляди и идиоты. Но я хочу быть одним из них. Этот образ, образ людей особенных, привлекает к себе. Люди простые, недалёкие, их часто любят.

Мать постоянно говорит об одном и том же, сколько себя помню, репертуар не менялся. Как я должен выглядеть на людях, а как нет. Что я должен говорить, чего говорить не должен. Что делать плохо, а что хорошо.

И когда она заткнется?

Тороплюсь скорее выйти за дверь. Раньше я часто срывался и делал больно другим. Даже близким людям. Сейчас я стараюсь держать себя в руках, но эмоций во мне меньше не стало. Теперь они жрут меня самого. Часто задумываюсь, правильный я сделал выбор? Я продолжаю надеяться на справедливость, но всё больше ловлю себя на мысли, что верю в детские сказки.

Я спускаюсь к улице, но замираю на последних ступеньках. Моя дрожь проходит. Как вокруг тихо! Как умиротворенно! Будто это место вовсе не часть этого суетливого мира.

Сейчас я боюсь одного – кто-то откроет дверь и уничтожит этот мирок. Вновь польются звуки, маховик вновь придёт в движение. Я дал себе слово – я убью того, кто решит разрушить эту идиллию. Кто бы это ни был, значения не имеет.

Но никто не пришёл. Проходит минута. Еще одна. Две. Пять. Нужно идти. Мысли толкают меня невидимой рукой.

На улице всё как всегда. Бесятся дети, сбиваются в стаи

подростки, кряхтят старики. Мир так разнообразен и так неоригинален одновременно.

Мой глаз зацепился за фигуру мужчины. Почему он? Я вижу, к нему подбежал ребёнок, и он тут же поднял его высоко к небу. Подбросил. И поймал. Затем повторил. Слышу восторженные крики ребёнка и не могу оторвать глаз.

У меня никогда не было отца. Я часто задумывался, смог бы он научить меня быть мужчиной? Смог бы дать ответы на мои вопросы? Не могу долго думать об этом.

К этим двоим прибежала молодая девушка. Так торопилась. Счастливая семья. Их имён история не запомнит, они, вряд ли совершат что-то великое и не вызывают они той дрожи, что вызывал Паганини. Но есть что-то другое, что-то большее. Это чувство не будоражит, оно гораздо глубже. Я не заметил, как улыбаюсь.

Пока я брёл, я задумался, имею ли я право на счастье? В глазах собственной матери я неудачник, не оправдавший надежд. Я постоянно пытаюсь подстроиться под чьи-то стандарты, но никто никогда не попробует подстроиться под мои. Я проигравший. Я должен найти ответы, времени остаётся всё меньше.

Пока я иду, я вижу грустных, несчастных людей. Шарахаюсь от них, как от прокаженных.

Я иду так долго, будто в тумане. И тут резкая мысль, ковшом холодной воды прямо за шиворот, привела меня в чувства.

– Где я?

Оглянулся. Сам не заметил, как очутился вдалеке от автобусных остановок. Посмотрел на часы. Уже не успею. Это был последний промах. Теперь точно уволят.

Эта мысль меня не разозлила, я выдохнул и провёл взглядом вокруг себя. Осень. Её многие любят. Золотистые листья кружат вокруг, радуют чужие сердца. У меня под ногами догнивают точно такие же листья, но на них никто уже не взглянет.

Не хочу возвращаться домой. Я растерялся. И что теперь делать? Глаза поднялись к пасмурному небу.

– Я не знаю.

А мир вокруг не меняется. Всё идёт своим чередом.